

Пролог

Ах, как низко я пал!
И вынужден быть безмолвным свидетелем этой гнусности...
Пусть на злосчастном суде мое сердце оказалось бы тяжелее пера Маат и в следующей жизни я родился бы крокодилом или гиппопотамом, чтобы не видеть полного упадка величайшей из стран и гибели ее богов! Их место заняли пророки, но их власть никогда не сравнится с властью верховных жрецов.

Безумцы, возомнившие себя богами, покорили даже божественный Нил, в эту новую эру боги стали так заурядны, что вызывают жалость. Никогда не думал, что древние допустят такую дерзость! Денно и ночью я возношу молитвы мстительному Амону, чтобы он пробудился от летаргического сна и, возмущившись, низверг святотатственные стены, ныне преграждающие путь живительной влаге. Пусть она разольется, как встарь, пусть очистит болото, в которое слепые гордецы превратили Священную реку, не позволяя илу возрождать усталую землю.

Как они смеют осквернять берег, уготованный для отдыха душ, своими гнусными постройками, грязными и извергающими дым, как смеют покрывать землю зловонными темными лентами, по которым катят их колесницы, отравляя с помощью черной магии воздух и накрывая древний Мемфис мрачным облаком?

Взгляните, во что превратилась древняя отчизна великого Имхотепа! В океан коробок цвета охры, чьи металлические нервы устремлены в небо, в них ютятся всякий сброд, они выстроены наспех, без должных подношений и ритуалов, и мстят своим безвестным обитателям, обрушиваясь прямо на их голову.

Посмотрите на цвет неба! Задыхается сама богиня Нут.

Посмотрите на места их вечного упокоения! Там безо всякого почтения и достоинства теснятся живые и мертвые, и первые занимают места вторых.

Ах, какая печаль! Что будет с их душами? Когда их призовут на загробный суд, возможно, мне одному придется держать ответ за свои грехи, которые не осмелится осудить сам Осирис!

Я помню, как много лет назад ощущал присутствие других душ и богов — так в детстве, играя в реке, мы вздрагиваем, ощутив прикосновение крошечных скользких рыбок. Какая тоска! Я, будучи изгнанником, искал их общества, но ни одна душа не осмелилась меня утешить и ни один бог не простил мне страшный грех. Теперь я более не чувствую ни их гнева, ни их присутствия, одно безграничное отчаяние и ненависть, столь несомненные, что особо восприимчивые люди улавливают их, сами того не сознавая.

Я больше не тоскую по ощущениям, которые испытывал при жизни, когда был бесхитростным доверчивым ребенком. А прежде я страстно о них мечтал. Несколько раз я даже проникал в человеческие оболочки, чтобы взглянуть на Нил живыми глазами. Ах, как же мне хотелось вдохнуть своими ноздрями аромат пряностей, почувствовать, как женщина прикасается к моей руке, ощутить свою мужскую силу... Но после нескольких неудачных попыток я испытал не прежние чувства, а острое отвращение к нечистоте и выделениям болезненных тел. Я более не ищу этих чувств в неполноценных телах, столь непохожих на древние, одно из которых занимал я сам. К тому же меня перестала волновать судьба людей, поскольку у меня нет власти наказать их за бесчинства.

Я, тот, кто был всего лишь слугой, теперь наблюдаю человеческое ничтожество, затронувшее даже самых богатых и могущественных.

Я, совершивший тягчайшее из преступлений, сегодня с содроганием вижу, как люди обожествляют отъявленных грешников.

Я, владевший всего лишь циновкой, с отвращением замечаю, что грабеж и несправедное обогащение ныне возводятся в ранг искусства и науки.

На мгновение, краткое, как вздох, мое блуждающее *Ka* возвращалось к своему *хат*, чтобы восстановить энергию *ба* в моем теле, сохраненном руками тех, кто придает форму смерти. То были довольно мирные времена, и несмотря на то, что поначалу я был напуган своим новым положением усопшего, годы покоя пошли мне на пользу.

Однако моя гробница также была осквернена и мой покой нарушен... А у меня даже не было сил наказать людей, разжившихся за мой счет!

Мое тело размололи, сделали из него настой и стали употреблять как афродизиак, не говоря уже о прочих унижительных применениях. Канопы, в которых хранились мои органы, были проданы, и сегодня одна из них даже выставлена за стеклом на обозрение, чтобы удовлетворить болезненное любопытство невежд. Маска, покрывавшая мое лицо, хотя и скромная, была расплавлена, амулеты стали украшениями... Даже рисунки на стенах моего небольшого вечного жилища были выдраны, подобно частям моего тела, и проданы за несколько жалких монет, хождения которых ни за что не допустили бы в божественные времена.

Посмотрите на стены храмов и статуи фараонов, чьи лица не единожды были стерты! Посмотрите, как печальна судьба прославленных святилищ, лишенных ласки священных вод!

Посмотрите на огромные пирамиды, энергия которых встарь питала целое царство! Внутри они осквернены дыханием нечестивцев, и лишь немногие, закрыв глаза, обняв камни, пытаются вобрать в себя неведомую им энергию, но им удастся уловить лишь жалкие остатки древнего могущества. А снаружи те, кто прежде охранял пирамиды ценою собственной жизни, катают туристов на своих верблюдах и продают бессмысленные копии древних символов.

Конечно, и сегодня есть люди, призывающие древних богов, но голоса эти так слабы, что не могут потревожить их сон.

Я отрекаюсь от всего! От гнусного настоящего, которого не могу не замечать, от смутного будущего и мучительного прошлого... От забытых богов, бросивших меня на произвол судьбы, презревших мои мольбы разом покончить с мучительным бес-

честьем. Я с радостью встречу любые перемены, ибо не знаю судьбы горше моей. Ах, каким освобождением была бы для меня полная гибель души! Я с наслаждением открыл бы ей свои объятия, будь она мне дарована... Но наказание за мое преступление не может быть столь мягким.

После того как мое смертное ложе было разорено, в те редкие мгновения, когда моя душа испытывает нечто вроде покоя, я вспоминаю свое земное существование. В миг краткий, словно вспышка крошечного огонька, передо мной проносится вся моя бурная, беспокойная жизнь, не омраченная более ни гневом, ни мечтами, жизнь, которую я даже не воспринимаю как свою. Она далека и потому драгоценна вдвойне, как те древние истории, что рассказывали ночами под защитой охранительного огня в самом потаенном из пристанищ, со сжавшимся от страха сердцем, молясь о том, чтобы чудо свершилось вновь, могучие лучи Солнца-Атона прогнали тьму и мы снова смогли бы увидеть великолепное зрелище рассвета над рекой, источником всякой жизни.

Ах, моя душа вновь пробуждается!

И сладостное облегчение испытываю я, пока длится рассказ обо всей моей жизни.

И одна слезинка не выкатилась из моих глаз. Этому препятствовали торжественность обстановки и моя гордость, хотя позднее, когда я остался один, тяжелые слезы ярости закапали на пыльный пол моей каморки.

Удары следовали один за другим, медленно и неумолимо, но лишь однажды, когда мой мучитель, невзирая на мой юный возраст и явную невинность, применил все свое мастерство, мои губы дернулись от боли, обнажив крепко сжатые белые зубы.

Строго говоря, моя вина не подлежала обсуждению, ибо одна из моих обязанностей, не самая тяжелая и мучительная, заключалась в том, чтобы стойко и покорно сносить наказания, которым не мог быть подвергнут принц царской крови. И вот, когда я подменял собою сына бога на церемонии его наказания (оно, конечно, проводилось за спиной у фараона, тот не допустил бы несправедливого насилия, присущего богам, от которых он отрекся и жрецы которых теперь отыгрывались на мне), подменял, не имея права обнаружить даже малейший признак слабости, мой дух восстал против того, что за дурное исполнение своих обязанностей я должен искупить вину перед Амоном, хотя я был готов отдать жизнь за своего господина.

За мой свет.

И моего друга, хотя столь высокое звание присвоил себе не я, а люди, окружавшие царскую семью, которая относилась ко мне так, словно я был еще одним их отпрыском.

Сын фараона уже начинал осознавать свое предназначение, хотя был рожден второй супругой, оставленной его отцом ради воплощения богини Хатхор, Нефертити. Притягательность последней приумножало само ее имя, означавшее «прекрасная пришла» или «воплощение богини», коровий облик которой она, по счастью, не унаследовала. Хотя между обеими женами не было